

Вильгельм Кюхельбекер

И В А Н К У П Е Ц К И Й С Ы Н

Оригинал здесь: ["Друзья и Партнеры"](#).

ПИСЬМО К К<ОНСТАНТИНУ> О<СИПОВИЧУ> С<АВИЧЕВСКОМУ> ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ И ПРЕДИСЛОВИЯ

Не далеко время, когда мне придется расстаться с Вами, мой добрый К.О., и расстаться, вероятно, навсегда, до гробовой доски... Ужели в Вашей памяти воспоминание обо мне останется просто какою-то карикатурой, чем-то странным, причудливым, похожим несколько на те уродливые лица, какие рисует перед глазами нашими первосоние? - Вашим другом я не смею называть себя: для дружбы нужно равенство, ваше чистое, свежее сердце заслуживает в жизни встретить сердце столь же чистое и свежее. Но я желал бы Вам оставить какое-нибудь доказательство, что и я умею быть благодарным: и мне ли не быть Вам благодарным за те часы, в которые Вы, благородный юноша, являлись истинным ангелом-утешителем мне, преждевременному старику, измученному до судорог всеми возможными житейскими и сердечными терзаниями, терзаниями самыми изысканными и вместе самыми пошлыми и гадкими? Естественно, что мне должна была придти мысль посвятить Вам сочинение, которое я кончил в то время, когда наслаждался слишком коротковременным знакомством с Вами, - сочинение, которого отдельные части, так сказать, в Ваших глазах всплывали из глубины души моей, при Вас приняли настоящий вид и образ. Чувствую, что этот плод моего хворого воображения не достоин Вас. - С Вашим именем надлежало бы соединить нечто вроде Шиллерова Дон-Карлоса; нечто похожее по крайней мере на те из прежних моих собственных созданий, в которых еще виден набожный читатель Серафима-Поэта, сотворшего этого Карлоса, Поэту, Валленштейна, Теклу, Макса Пикколомини. - К несчастью, любезные сердцу моему памятники времени, для меня более отрадного, далеко предшествуют минуте, когда я Вас узнал и понял. Итак, примите то, что у меня теперь есть, - каково бы оно ни было. - А Ваше имя мне тут необходимо: пусть хоть оно служит для других доказательством, сколь и по сию пору мне дороги те чувства и убеждения, которых Вы для меня представитель, которых Вы для меня были прекрасным олицетворением.

Прости, - скажу, - тебя я видел,
И ты недаром мне сиял;
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал.

Дай-то бог, чтобы Вы и до дверей гроба не лишились утешительной веры в светлую сторону природы человеческой! - Но, если бы случилось, что Вы бы и поколебались, - и тогда:

Verachte nicht den Glauben dciner Jugend!¹

Однако, мой добрый К. О., я забываю, что это не просто письмо к Вам, что эти строки, быть может, прочтете не Вы одни, что они не одно посвящение, а вместе и предисловие.